

если предположить их наличие в Византии в то время) обычно не знали греческого языка — к ним всегда приставлялся переводчик, да если бы и знали, то византийцы не рискнули бы посылать их к соплеменникам. Ясно, что византийцы посылали в русский лагерь шпионов, знавших греческий и славянский язык (в Византии было немало лиц, владевших обоими языками). Но из этого следует, что войско Святослава говорило на славянском языке.

Характерно, что когда в 970 г. Русь сражалась с византийцами, имея союзниками болгар, венгров и печенегов, то русские выстраивались всегда вместе с болгарами как говорящие на одном языке.¹ Назвав „катархонта тавров“ Святославом, Лев Дьякон прибавляет, что так он называется на их языке.² Наконец, спайка и храбрость, проявленная войском Святослава в борьбе с византийской армией в 971 г. (эти качества русских отмечают все византийские источники) является прекрасным опровержением „теории“ норманнистов, которые характеризуют положение на Руси X в. как период господства норманнов над поработанными славянами.

Сам Константин приводит в своей книге русские слова: „полюдь“,³ „закон“,⁴ „воевода“,⁵ славянское происхождение которых ни в ком не вызывает сомнений; эти факты свидетельствуют о том, что русские в X в. говорили на славянском языке.

Норманнисты ищут опоры своим „теориям“ в приводимых Константином названиях Днепровских порогов, которые он дает по-русски и по-славянски. Но названия русских порогов у него в значительной степени искажены, так же, как и приводимые им названия русских городов. Работы С. В. Юшкова („К вопросу о происхождении русского государства“, 1946) и М. Н. Тихомирова („Происхождение названия „Русь“ и „Русская земля“, 1947) дают новое и совершенно убедительное толкование проблемы названия Днепровских порогов у Константина. С. В. Юшков показал, что названия Днепровских порогов, в передаче Константина, — „международная номенклатура“. Поскольку путь по Днепру в X в. был путем международного значения, по которому везли свои товары представители разных народностей, естественно, что в Киеве название Днепровских порогов было усвоено купцами этих народностей; в их числе были и норманны. Советские историки объяснили также, почему Константин путал Русь X в. с варягами, приходившими из Руси и служившими в византийском войске.

Таким образом, если норманнистам не удалось доказать, что русские названия порогов представляют собой перевод славянских названий порогов, то тем более нельзя принять мнения о том, что русский язык в середине X в. был скандинавским языком. Следовательно, сообщение Константина вовсе не является, как это утверждают норманнисты, доказательством тождественности Руси и норманнов.

Сведения, сообщаемые Константином о Руси, высоко расцениваются норманнистами, признаются „классическими“, имеющими для истории древней Руси такое же значение, как сочинение Тацита „De Germania“ для истории древних германцев. Эта точка зрения является необоснованной. Советский историк академик Б. Д. Греков совершенно справед-

¹ Skylitza (Cedrenus), Compendium Historiarum, t. II, ed. Bonn, 1839, p. 386.

² Leo Diac., p. 150.

³ De adm. imp., p. 79.15.

⁴ Там же, стр. 170.15.

⁵ Там же, стр. 168.5.